

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 31.01.2024

Принята к публикации: 11.02.2025

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ

Мурманский государственный технический университет
Спортивная ул., д. 13, Мурманск, 183010, Российская Федерация
vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Алексей Юрьевич ПЛОТНИКОВ

Московский государственный лингвистический университет
Остоженка ул., д. 38 стр. 1, Москва, 119034, Российская Федерация
al.yu.plotnikov@yandex.ru
ORCID: 000-0002-0909-9567

Анастасия Петровна ГЛАЗОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
22-Линия Васильевского острова, д. 7, Санкт-Петербург, 199106, Российская Федерация
angla.1892@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7789-9323

РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1998 ГОДА О ПРОМЫСЛЕ МОРСКИХ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ МОРЕ РОССИИ У ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНЫХ КУРИЛ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов было подписано 21 февраля 1998 г. (далее – Соглашение 1998 г.). Район действия Соглашения 1998 г. – российское территориальное море у островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (Малая Курильская гряда). Мнения, высказанные в научно-правовой литературе, а также представителями российской рыбной*

отрасли относительно Соглашения 1998 г., его значимости и целесообразности исполнения, были разными. Высказывалась, например, точка зрения о том, что Соглашение 1998 г. было политической уступкой Японии со стороны российской власти в надежде на создание благоприятного климата для инвестиций в экономику России [Зиланов 1998:50-53]. Высказывалась и иная точка зрения: о том, что Соглашение 1998 г. является компромиссом между позициями России и Японии [Вылегжанин, Неверова

2016:35-62]. В 2022 г. Россией принято решение о приостановке реализации Соглашения 1998 г. в связи с невыполнением японской стороной финансовых обязательств. В условиях, предпринятых правительством Японии недружественных мер, Россия проинформировала Японию о невозможности согласовать межправительственные консультации по рыбному промыслу в названных районах российского территориального моря.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основу настоящего исследования положен анализ Соглашения 1998 г. как источника международного права в общем системном контексте его норм о сохранении морских живых ресурсов и управлении ими. Детально рассматривается пространственное измерение и материально-правовое содержание Соглашения 1998 г., а также приводятся различные мнения относительно его современного значения с точки зрения национальных интересов России.

Методологическую основу составили общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также специально-юридические методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ. Современная политико-правовая оценка Соглашения 1998 г., Приложения к нему, а также ежегодных Меморандумов обусловлена общим контекстом международно-правовых норм, применимых к отношениям России и Японии в области сохранения морских живых ресурсов и управлении ими.

При этом констатируется, что в Соглашении 1998 г., в Приложении к нему, в ежегодных «Меморандумах о понимании» не содержится обязательств Японии о предоставлении аналогичных прав на ведение промысла морских живых ресурсов российским судам в территориальном море Японии, к примеру, у японского острова Хоккайдо.

Выявлено незначительное экономическое значение Соглашения 1998 г. для обеих договаривающихся сторон в общем контексте рыбохозяйственных отношений, вытекающих из других межправительственных двусторонних соглашений России и Японии.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Сохранение и управление морскими живыми ресурсами в районах, примыкающих к Южно-Курильским островам, осложнено разными взглядами России и Японии на статус этих островов. Япония, как известно, оспаривает суверенитет России над ними; в связи с этим Соглашение 1998 г. является уникальным международным договором России в том смысле, что ни в его тексте, ни в Приложении к нему нет упоминания о суверенитете России над «спорными» островами и вместе с тем в силу Соглашения 1998 г. Япония приняла обязательство о том, что ее рыбаки при осуществлении промысла у берегов «спорных» островов подчиняются юрисдикции России; и о том, что правоохранительные меры в отношении рыбаков-нарушителей будет применять российская сторона на основе норм и международного, и российского права. Этот хрупкий договорно-правовой компромисс поставлен, однако, под угрозу после недружественных действий Японии в отношении России. Кроме того, и после заключения Соглашения 1998 г. Япония продолжает заявлять притязания на упомянутые острова Южно-Курильской гряды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Соглашение 1998 г., промысел, рыболовство, морские живые ресурсы, территориальное море Российской Федерации, Южно-Курильские острова, российско-японские рыбохозяйственные отношения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиланов В.К., Плотников А.Ю., Глазова А.П. 2024. Российско-японское соглашение 1998 года о промысле морских живых ресурсов в территориальном море России у побережья южных Курил: современные международно-правовые вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 5. С. 138–154. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

Research article

UDC: 341

Received 31 January 2024

Approved 11 February 2025

Vyacheslav K. ZILANOV

Murmansk State Technical University

13, Sportivnaya St., Murmansk, Russian Federation, 183010

vkzilan@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1025-550

Aleksey Yu. PLOTNIKOV

Moscow State Linguistic University

38, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119034

al.yu.plotnikov@yandex.ru

ORCID: 000-0002-0909-9567

Anastasia P. GLASOVA

St. Petersburg State University

7, 22 Line Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russian Federation, 199106

angla.1892@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7789-9323

THE 1998 RUSSIAN-JAPANESE AGREEMENT ON FISHERIES IN THE TERRITORIAL SEA OF RUSSIA ADJACENT TO THE SOUTH KURIL: CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW ISSUES

INTRODUCTION. *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Japan on some issues of fisheries was signed on February 21, 1998 (hereinafter referred to as the 1998 Agreement). The area of application of the 1998 Agreement encompasses the Russian territorial sea around the islands of Iturup, Kunashir, Shikotan, and Habomai (the Lesser Kuril Islands). Opinions expressed in the scientific and legal literature as well as by representatives of the Russian fishing industry regarding the 1998 Agreement, its significance, and the advisability of its implementation varied. For instance, it was argued that the 1998 Agreement was a political concession made by the*

Russian government to Japan with the hope of creating a favorable climate for investments in Russia's economy. [Zilanov 1998:50-53]. Another viewpoint was expressed, suggesting that the 1998 Agreement represents a compromise between the positions of Russia and Japan. [Vylegzhanin, Neverova 2016:35-62]. In 2022, Russia made the decision to suspend the implementation of the 1998 Agreement due to the failure of the Japanese side to fulfill its financial obligations. In light of the unfriendly measures taken by the Japanese government, Russia informed Japan of its inability to arrange intergovernmental consultations regarding fishing in the specified areas of the Russian territorial sea.

MATERIALS AND METHODS. *The present study is based on an analysis of the 1998 Agreement as a source of international law within the overall systemic context of its norms regarding the conservation and management of marine living resources. The spatial dimension and substantive legal content of the 1998 Agreement are examined in detail, and various perspectives on its contemporary significance in terms of Russia's national interests are presented. The methodological framework comprises general scientific methods of research (analysis, synthesis, induction, and deduction), as well as specialized legal methods (formal-legal and comparative legal).*

RESEARCH RESULTS. *The current political and legal assessment of the 1998 Agreement, its Annex, as well as the annual Memoranda is determined by the general context of international legal norms applicable to relations between Russia and Japan in the field of conservation and management of marine living resources.*

It is noted that the 1998 Agreement, its Annex, as well as the annual Memoranda do not contain any obligations of Japan to grant similar rights to fish for marine living resources to Russian vessels in the territorial sea of Japan, for example, near the Japanese island of Hokkaido.

The insignificant economic importance of the 1998 Agreement for both contracting parties is revealed in the general context of fisheries relations arising from other intergovernmental bilateral agreements between Russia and Japan.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The conservation and management of marine living resources in the areas adjacent to the Southern Kuril Islands is*

complicated by the differing views of Russia and Japan regarding the status of these islands. Japan, as is well known, disputes Russia's sovereignty over them; in this context, the 1998 Agreement is a unique international treaty of Russia, in the sense that neither its text nor its Annex mentions Russia's sovereignty over the "disputed" islands. At the same time, as shown by the analysis of the 1998 Agreement, it is evident that by signing this document, Japan agreed that Japanese fishermen, when fishing off the shores of the "disputed" islands, are subject to Russia's jurisdiction; that law enforcement measures against violating fishermen will be applied by the Russian side based on both international and Russian law. However, this fragile legal compromise is now under threat following Japan's unfriendly actions towards Russia. Moreover, Japan continues to lay claim to the aforementioned islands of the South Kuril Ridge even after the conclusion of the 1998 Agreement.

KEYWORDS: *The 1998 Agreement, fishing, marine living resources, the territorial sea of the Russian Federation, the South Kuril Islands, Russian-Japanese fisheries relations*

FOR CITATION: Zilanov V.K., Plotnikov A.Yu., Glazova A.P. The 1998 Russian-Japanese Agreement on Fisheries in the Territorial Sea of Russia adjacent to the South Kuril: Contemporary International Law Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 138–154. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-138-154>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Морские природные ресурсы, особенно живые ресурсы моря, – это «древний» объект международного права¹. Правовой режим природных ресурсов мирового океана далеко не статичен: заключаются все новые международные соглашения между государствами по поводу их сохранения и использования, особенно на региональном и двустороннем уровне. Очевидно, что

договорно-согласованные основы международного сотрудничества снижают вероятность межгосударственных конфликтов по поводу морского природопользования, в том числе при разном толковании норм, регулирующих сохранение и использование морских живых ресурсов, облегчают обмен соответствующей информацией, а также применение правоохранительных мер [Borg 2014:356-357]. Вопрос о том, на какой правовой основе прибрежное государство принимает меры по сохранению и управлению морскими

¹ О понятии «объект международного права» см.: Вылегжанин А.Н., Колосов Ю.М. 2015. Понятие международного права, его предмет, объекты, система. – *Международное право. Учебник для академического бакалавриата*. В 2 т. Т. 1. М.: Юрайт. С. 16-27.

живыми ресурсами в районах, находящихся под его суверенитетом и юрисдикцией, особенно важен для иностранного государства, заинтересованного пользоваться этими ресурсами.

До сих пор и на уровне международно-правовой политики государств [Вылегжанин, Магомедова 2022:112-126], и в науке [Rafaly 2022:295] существуют разные понимания вопроса о содержании принимаемых государствами мер по «управлению», «сохранению», «использованию» морских живых ресурсов. По сути, всякий международный договор о морских биоресурсах, даже если он заключен только между двумя государствами, вносит свой вклад в общий свод международного правотворчества и правореализации в обозначенной области взаимоотношений государств. Не является исключением в этом смысле и российско-японское рыболовное Соглашение 1998 г. В настоящей статье Соглашение 1998 г. оценивается в общем контексте общепринятых норм международного права в части деятельности иностранного государства в суверенных территориальных водах России. Авторы также рассматривают вопросы толкования Соглашения 1998 г., в том числе дискуссионные. Отдельно анализируется содержание и юридическое значение Меморандумов о понимании, принятых во исполнение Соглашения. В заключительном разделе предложены выводы по итогам исследования.

2. Соглашение 1998 г. как компонент норм международного права о сохранении и управлении морскими живыми ресурсами

Следует, прежде всего, подчеркнуть, что Соглашение 1998 г. не рассматривает вопросы сохранения и использования живых морских ресурсов; оно касается исключительно вопросов предоставления иностранному государству – в данном случае Японии – права осуществления морского промысла в территориальных водах России у побережья южных островов Курильского архипелага и оговаривает условия предоставления этого права.

Следует также отметить, что взаимоотношения с Японией в районах и акватории южных Курил осложняются принципиальным расхождением позиции двух соседних государств – России и Японии – в отношении статуса этих островов, а также нежеланием Японии признавать беспорность суверенитета РФ над этими

островами – и прилежащем территориальном море – приобретенным по итогам Второй мировой войны.

В юридической научной литературе обозначены различные подходы к тому, какие именно природные «ресурсы» могут определяться как «морские живые ресурсы». Зарубежные ученые-правоведы чаще всего данным понятием определяют рыб, головоногих моллюсков, ракообразных и морских млекопитающих [Matz-Luck, Fuchs 2015:493]. В отечественной науке отмечено, что нормы об управлении морскими живыми ресурсами ошибочно ограничивать только перечисленными видами; что и морские водоросли, иные виды морской флоры могут стать объектом многоуровневых правоотношений по поводу сохранения и использования морских живых ресурсов [Вылегжанин 2001a:69-81]. Отмечено также, что международно-правовые клаузулы об управлении биоразнообразием мирового океана – это новелла в международном праве, договорно обозначенная после 1958 г., поскольку ни в одной из Женевских морских конвенций 1958 г. такие нормы не были предусмотрены. [Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. 2000:13] Как пояснялось, в начале XX в. под влиянием идей, комбинирующих успехи морской биологии, математики и морской техники, русским ученым Ф.И. Барановым разработана «первая математическая модель зависимости между состоянием запаса рыб и промысловой нагрузкой на него»; юридические нормы об управлении запасами рыбы и морских млекопитающих, обеспечивавшие «максимальную выгоду» от рыболовства, появились позднее, сначала на двустороннем и региональном уровне сотрудничества государств [Вылегжанин 2001b:71, 72]. В целостном виде идея «управления морскими живыми ресурсами» получила свое универсальное воплощение в Конвенции по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.). Положениями Конвенции 1982 г. установлено право прибрежного государства принимать законы и правила о его суверенных правах в целях разведки, разработки и сохранения живых природных ресурсов в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе данного государства, а также обеспечивать путем надлежащих мер по сохранению и управлению безопасностью состояния живых ресурсов в этих районах от чрезмерной эксплуатации, но при этом достигалась бы цель «оптимального использования живых ресурсов» моря. В целом,

Конвенция 1982 г. устанавливает «базовую систему управления морскими живыми ресурсами»: 1) «зональный» подход к такому управлению в территориальном море, исключительной экономической зоне и т. д. и 2) «видовой» подход (режим далеко мигрирующих видов, например, отличается от режима анадромных видов и т. д.) [Tanaka 2011:294].

В 1995 г. положения Конвенции 1982 г. о морских живых ресурсах были дополнены еще одним, очень значимым универсальным международным договором – Соглашением об осуществлении положений Конвенции 1982 г., «которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими». Это Соглашение предусматривает норму об «осторожном подходе» к сохранению морских живых ресурсов и управлению ими с тем, чтобы защищать морские живые ресурсы, сохранять среду их обитания, в том числе и в тех случаях, когда полученные данные о состоянии таких природных ресурсов неполные или их вообще нет [Вылегжанин 2001б:71, 72]. При этом прибрежные государства применяют «осторожный подход» с некоторыми вариациями: он может проследиваться, как отмечено, в «духе законов» прибрежного государства, или обозначаться как «риск-ориентированный», или же рассматриваться как компонент «экосистемного» управления морскими биоресурсами и т. д. [Allen 2001:648] На какой нормативно-правовой основе современное государство обязано сохранять прибрежные морские биоресурсы и рационально управлять ими, и как осуществлять нормы международного права об управлении ими – в этом вопросе практика государств и ее оценки в юридической науке разные. У каждой правовой модели такого управления есть свои достоинства и недостатки. Как предложено в науке, однозначно то, что «возникает острая необходимость» отказаться от подхода, ориентированного лишь на эксплуатацию биоресурсов моря; это, как образно сказано, «вопрос мудрости человечества в целом» [Tanaka 2011:330].

На таком общем фоне проблема управления морскими живыми ресурсами и их сохранения в тех морских районах, которые примыкают к Южно-Курильским островам, осложнена, прежде всего, разными позициями двух соседних государств – России и Японии – в отношении статуса этих островов.

Япония оспаривает суверенитет России над группой четырех Южно-курильских островов: Итурупом, Кунаширом, Шикотаном и Хабомаи («Хабомаи» – это группа скал и мелких островов, имеющих в Японии такое наименование; в России официально используется иное их наименование – «Малая Курильская гряда»).

Как отмечается в научной литературе, «формально получилось так, что суверенитет СССР над Курильскими островами недвусмысленно не был подтвержден» Сан-Францисским мирным договором 1951 г. (The 1951 Treaty of Peace with Japan), заключенным без участия Советского Союза, хотя суверенитет Советского Союза над этими островами «четко предусмотрен Ялтинским соглашением 1945 г.». Но в силу договора 1951 г. (СССР не является его участником) «Япония получила «возможность ссылаться на это обстоятельство в свою пользу, опираясь на поддержку США, изменивших свое отношение к бывшему союзнику – Советскому Союзу» (что политически объяснимо в тот период); при этом США нарушили обязательство по Ялтинскому соглашению 1945 г., а это, как отмечено в науке, «юридически не допустимо» [Вылегжанин, Неворова 2016:35].

При оценке Соглашения 1998 г. нельзя не учитывать и историко-правовые обстоятельства. При заключении между Россией и Японией Портсмутского мирного договора 1905 г. Япония получила привилегированные права на ведение рыболовства даже в прибрежных районах России от Камчатки до Приморья. Потерпев поражение во Второй мировой войне и подписав Акт о безоговорочной капитуляции 1945 г., Япония, тем не менее добила по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. положения о заключении с ней договоренностей в области рыболовства с тем, чтобы продолжить промысел морских живых ресурсов своим флотом в тех районах, в которых она вела его ранее.

Поскольку обязательства по Сан-Францисскому договору на Советский Союз не распространяются, в 1956 г. СССР и Япония заключили Совместную декларацию о прекращении «состояния войны между двумя государствами» и восстановлении между ними «мира и добрососедских дружественных отношений». Совместная декларация 1956 г. стала важным компромиссным шагом на пути нормализации отношений между двумя соседними странами,

послужила развитию договорно-правовой базы сотрудничества, в том числе в области сохранения и использования морских живых ресурсов. По смыслу декларации 1956 г. СССР и Япония согласились «в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения» [Русские Курилы ... 2015:188].

В последующий период, в контексте такой тенденции к нормализации советско-японских отношений были заключены значимые двусторонние договоры, предусматривающие права и обязательства двух соседних государств в области сохранения морских живых ресурсов и управления ими: Соглашение между Министерством рыбного хозяйства СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле «морской капусты» японскими рыбаками 1981 г.; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии по ведению рыбопромысловых операций 1975 г.; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережий обеих стран 1984 г.; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства 1985 г.²

После распада Советского Союза в 1991 г. в дополнение к уже названным соглашениям на двустороннем уровне были заключены: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов 1998 г.; Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об основах дальнейшего сотрудничества в области предотвращения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла морских живых ресурсов и незаконного вывоза продукции из них 2009 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в Северо-Западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами 2012 г.³

В перечисленных двусторонних правовых документах особое значение в рамках исследуемой темы имеет Соглашение между Министерством рыбного хозяйства СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле «морской капусты» японскими рыбаками 1981 г. (далее – Соглашение 1981 г.), прежде всего потому, что его заключение привнесло существенные правовые новеллы в отечественную международно-правовую политику: а) в морских районах, примыкающих к обозначенным спорным Южно-Курильским островам, японские суда стали подчиняться законам и правилам СССР (ст. 5 Соглашения 1981 г.); б) японские рыбаки получили договорно-правовую возможность легитимно осуществлять промысел вблизи этих островов, тем самым создавая условия для снижения уровня браконьерских набегов в морские районы у побережья Южно-Курильских островов.

Внешним катализатором разработки этого Соглашения послужили, с одной стороны, территориальные притязания Японии на эти острова, создававшие напряженность во взаимоотношениях с Россией, а с другой – достаточно многочисленные «браконьерские набеги» в названные районы японских рыболовных судов, базирующих в основном в порту Немуро (остров Хоккайдо). В отдельные годы число браконьерских «набегов» японских судов на морские живые ресурсы в российских территориальных водах, примыкающих к островам, достигало около нескольких тысяч случаев [Зиланов 1998:50, 53], а их задержаний и арестов достигло до 1 129 случаев [Курмазов 2006:336].

С другой стороны, ранее существовавшие территориальные притязания Японии на эти острова, охарактеризованные выше, создавали в целом напряженность во взаимоотношениях с Россией. Более того, японский парламент, продолжая нагнетать обстановку, принял закон о том, что так называемые «северные территории» (куда, по их мнению, входят названные перечисленные Южно-Курильские острова) находятся под юрисдикцией Японии [Плотников 2022:81].

В борьбе с преступлениями и иными правонарушениями на море важными являются вопросы, связанные с установлением и осуществлением юрисдикции прибрежного государства.

² См.: Сборник двусторонних соглашений СССР по вопросам рыбного хозяйства, рыболовства и рыбохозяйственных исследований. М.: ВНИРО, 1987. С. 282-300.

³ См.: Сборник международных конвенций и соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства. М.: Проспект, 2010. С. 551-555.

Установление юрисдикции, прежде всего, означает «определение пространства, в пределах которого государство считает возможным и допустимым ожидать и требовать осуществления своих правомочных велений; круга лиц, которым адресуются такие веления; времени, в течение которого они действуют; вопросов или предметов, по поводу которых веления сформулированы», а осуществление юрисдикции – реализацию государством возможности и допустимости обеспечения своих правовых велений посредством применения мер принуждения» [Черниченко 1999:114-115]. В первом случае, как отмечено в науке, прибрежное государство осуществляет законодательную юрисдикцию, во втором – исполнительную. В соответствии с международным правом государство вправе осуществлять и законодательную, и исполнительную юрисдикцию [Klein 2011:62].

Проявлением исполнительной юрисдикции прибрежного государства является применение российскими властями против японских судов-правонарушителей принудительных мер правоохранительного характера (в частности, таких мер, как остановка и осмотр судна, преследование по горячим следам и т. д.) [Глазова 2020:106-118] Важно, только чтобы такие меры были пропорциональны совершенному деянию [Burke 1994:307].

На практике в результате таких мер, осуществляемых российской стороной, как территориальным сувереном островов, задерживались десятки японских судов-нарушителей. Случалось, что такие суда отказывались подчиниться законным требованиям, поступающим с военных кораблей России. В таких случаях международное право наделяет военные корабли правом останавливать силой суда, нарушающие законодательные предписания, особенно при невыполнении ими требований остановиться; кроме этого, в таких ситуациях в международном праве нет запрета на применение оружия⁴. В рассматриваемых ситуациях, когда нельзя было избежать применения оружия, отдельные японские рыбаки-нарушители погибли. Продолжать и дальше такое нелегальное рыболовство для японских рыбаков становилось опасным.

Учитывая решимость России препятствовать и впредь браконьерству японских судов

в своих территориальных водах, примыкающих к южным Курилам, Япония предложила России пойти на разработку и заключение специального соглашения, которое бы позволило японским рыболовным судам вести, здесь так называемый безопасный промысел морских живых ресурсов.

Это предложение Японии, как и сам термин – «безопасный промысел», – не являлось чем-то неожиданным для России. Ранее, еще в июне 1966 г., аналогичное предложение выдвигалось японской стороной во время первого официального визита Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Японию. Тогда японцы впервые определили его как «безопасность рыболовного промысла». При этом Япония требовала от Советского Союза предоставить японским рыболовным судам возможность беспрепятственно осуществлять лов во всей северо-западной части Тихого океана вблизи от советских территориальных вод. В ответ на это советская сторона выдвинула контрпредложение: в обмен на гарантии свободы промысла японских рыболовных судов вблизи от советских берегов предлагалось разрешить советским рыболовным судам заходить в японские порты [Нелидов 2019:229]. Такое предложение было отвергнуто японской стороной. В результате в ходе визита в 1966 г. Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко по этому вопросу не было достигнуто взаимоприемлемого решения. Стороны согласились и далее вести осуждения данного вопроса. В последующем Япония неоднократно поднимала перед советской стороной вопрос о так называемом безопасном рыбном промысле в ходе двухсторонних переговоров по вопросам рыболовства. Однако, в советский период он так и не был решен ввиду не готовности японской стороны пойти на взаимные равные обязательства и с ее стороны.

В начальный период формирования новой России японская сторона вновь выдвинула предложение о так называемом безопасном промысле морских живых ресурсов своими рыболовными судами, ограничив его только морским районом у южных Курил. При этом Япония стремилась, чтобы в такой договоренности учитывалась ее позиция в отношении японских притязаний на эти острова; чтобы их статус рассматривался как ясно не определенный, т. е. ни в пользу суверенитета России, ни в пользу суверенитета Японии.

⁴ Зябкин А.И. *Несанкционированное вещание из открытого моря и международно-правовые средства его пресечения*: дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ. 1985. С. 130-131.

Российская сторона согласилась на проведение таких переговоров, исходя при этом из своей позиции относительно бесспорности принадлежности России всех Курильских островов, включая южные острова Курильской гряды; из того, что *de facto* суверенитет над ними уже осуществляет Россия, как ранее суверенитет осуществлял СССР по итогам Второй мировой войны; и ответственности Японии как «вражеского государства» по квалификации, предусмотренной в Уставе ООН. На такой компромиссной основе между позициями России и Японии начались переговоры по подготовке Соглашения, завершившиеся в 1998 г. Примечательно отношение третьих государств к российско-японскому компромиссу 1998 г., отражением чего случит прилагаемая карта-схема, изданная в Республике Корея (рис. 1). Как видно, на этой карте граница между российскими морскими владениями обозначена согласно российской, а не японской международно-правовой позиции – между окончательным островом Хоккайдо, с одной стороны, и островом Кунашир (обозначенным как «Российская Федерация») – с другой.

В ходе проработки российской стороной возможных договоренностей о предоставлении японским судам права промысла живых ресурсов в российских территориальных водах у островов южных Курил против такой договоренности выступили депутаты Сахалинской областной Думы. Ту же позицию они занимали и после Соглашения 1998 г., считая, что этим «ущемляются как суверенные права Российской Федерации, так и интересы российских рыбаков при ведении промысла в территориальных водах России, и нарушается законодательство Российской Федерации» [Пономарев 2023:46-47]. Окончательное решение о подписании Соглашения 1998 г. было принято по указанию Президента России Б.Н. Ельцина [Курмазов 2023:11]. За беспрепятственный промысел японскими судами морских живых ресурсов в территориальном море России у островов южных Курил японская сторона обязывалась выплачивать всего 400 тыс. долларов в год⁵.

Переговоры по выработке анализируемого российско-японского соглашения велись почти три года; в ходе 19 раундов сторонам удалось прийти к непростоному решению, которое все же

позволило в тот период (с учетом складывающихся взаимных отношений по всему комплексу двусторонних отношений) подписать 21 февраля 1998 г. в Москве упомянутое «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов». Свои подписи под ним поставили сопредседатели Российско-Японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам – первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации и глава МИД Японии.

Как признает руководитель российской делегации (по итогам заключительного раунда переговоров): «Разумеется, в тексте рамочного соглашения, подписанного в феврале, есть элемент некоторой обтекаемости формулировок. Это вызвано необходимостью учитывать специфику данного вопроса. Позиции сторон разные, и, чтобы сделать что-то возможным, приходилось в некоторых местах избегать прямых, категоричных формулировок, которые, может быть, приняты в подобного рода соглашениях с другими странами» [Саплин 1998:50-53].

Это замечание руководителя российской делегации, как будет показано ниже, отражает действительность. Элемент «некоторой обтекаемости формулировок» был подчеркнут в ходе отмеченной ранее критики Соглашения 1998 г. со стороны депутатов Сахалинской областной Думы, сенаторов, депутатов Государственной Думы Российской Федерации и общественности Дальнего Востока. Центральное место в критике занимала констатация того, что Соглашение 1998 г. привело к вытеснению из обозначенных морских районов промысла отечественных рыбаков, базирующихся на южных Курилах. Принимая во внимание это и ряд других обстоятельств Конференция Госдумы, состоявшаяся 22 июня 2022 г. в Москве в Доме Союзов, с участием депутатов, сенаторов Федерального Собрания Российской Федерации, органов исполнительной власти, включая МИД, представителей общественности в своей Резолюции предложила «денонсировать...» Соглашение 1998 г. «...как не отвечающее национальным интересам России» [Итоговая Резолюция ... 2023:155].

⁵ Кошкин А.А. Японские власти намерены возобновить вылов нашей рыбы и морепродуктов в территориальных водах России. Поведение японского правительства в отношении нашей страны подпадает под понятие «сверхнаглости». 2023. URL: <https://fondsk.ru/news/2023/12/28/yaponskie-vlasti-namereny-vozobnovit-vylov-nashey-ryby-i-moreproduktov-v> (дата обращения: 30.11.2024).

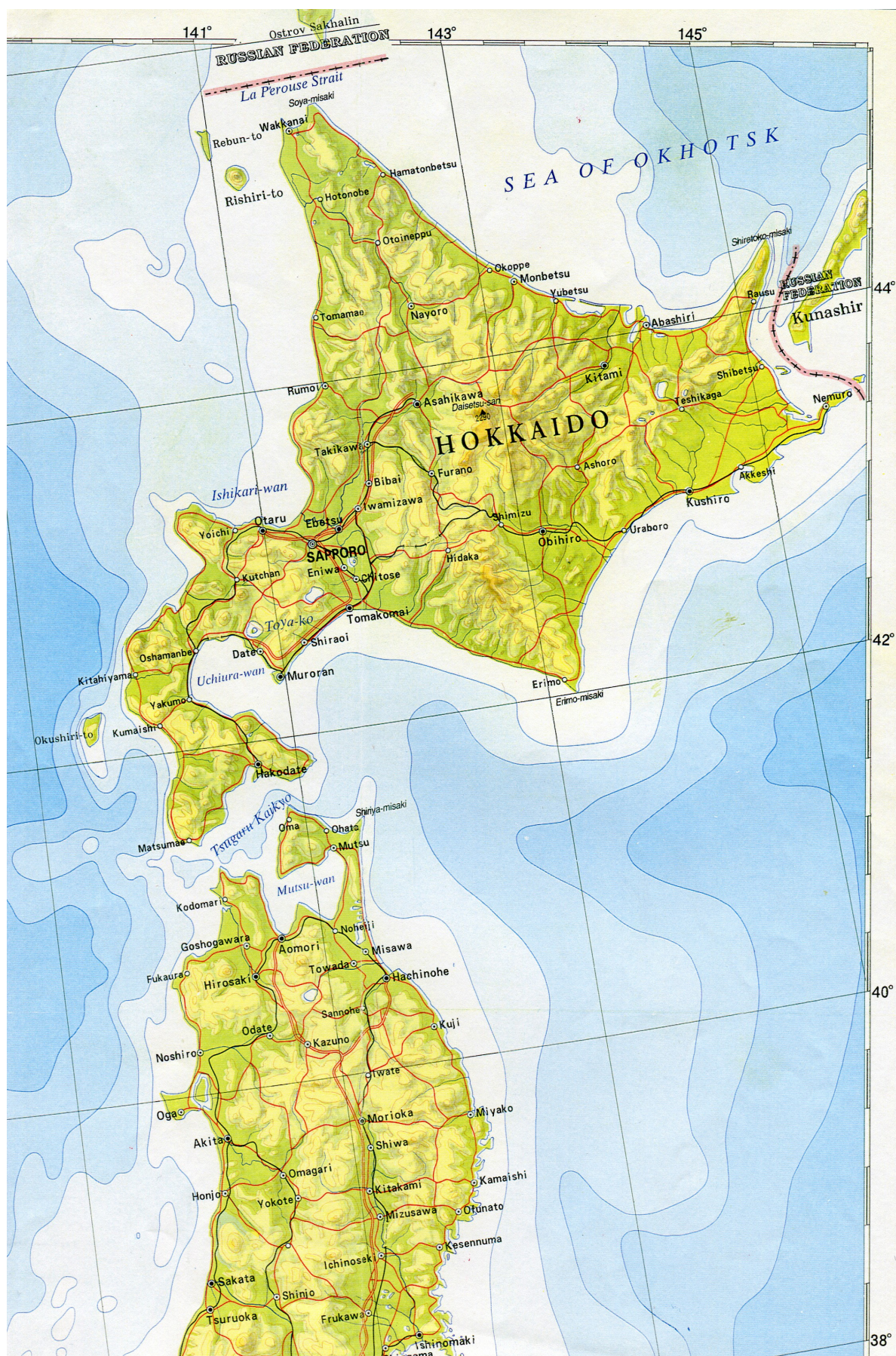

Рис. 1. Фрагмент карты, изданной Министерством строительства и транспорта Республики Корея в 1998 г.

3. Содержание Соглашения 1998 г.

Соглашение 1998 г., если его характеризовать в общем правовом поле советско (российско)-японских отношений в области рыболовства – это второй документ, в соответствии с которым российская сторона разрешила японским рыболовным судам вести промысел биоресурсов в российских территориальных водах в районе южной части Курильской гряды (включая острова Большой и Малой Курильской гряды).

Первое такое Соглашение – о промысле водорослей («морской капусты») японскими рыбаками в районе острова Сигнальный (японское название – Кайгара) – было заключено еще в 1963 г. В последующем это соглашение было с небольшими изменениями перезаклучено в 1981 г. Оно остается действующим и в настоящее время. Соглашение о промысле японскими рыбаками «морской капусты» в российских территориальных водах у острова Сигнальный стало первым шагом к разработке и принятию последующих соглашений между двумя соседними государствами о сохранении и управлении морскими живыми ресурсами, в том числе Соглашения 1998 г.

Напомним, что Соглашение о промысле японскими рыбаками «морской капусты» 1981 г. предусматривало взаимные обязательства сторон по обеспечению проведения промысла этих водорослей. Оно определяло объемы добычи, места и сроки промысла «морской капусты», порядок контроля за соблюдением правил промысла и т. д.

Например, ст. 1 Соглашения 1981 г. предоставляет японским рыбакам заниматься промыслом «морской капусты» в определенном районе, ст. 3 Соглашения 1981 г., в свою очередь, возлагает на японскую сторону обязанность осуществлять промысел в соответствии с порядком, определенным Приложением, ст. 4 – осуществлять платежи за право вести промысел, а ст. 5 – соблюдать законодательство и подзаконные акты, действующие в районе промысла⁶. Иначе говоря, именно в советско-японском Соглашении 1981 г. был предложен компромисс между правовыми позициями двух государств: сохранении *de facto* суверенитета СССР над спорными островами, при отсутствии его договорного

признания Японией; но подчинение японских лиц советской юрисдикции в водах, омывающих эти острова.

Что касается Соглашения 1998 г., то оно было подписано 21 февраля и 21 мая сразу же вступило в силу. Соглашение 1998 г. состоит из преамбулы, семи статей и Приложения.

Ниже приведен правовой анализ основных статей этого Соглашения.

В преамбуле Соглашения 1998 г. подчеркивается стремление сторон к «дальнейшему развитию и углублению традиционных и взаимовыгодных отношений между двумя странами в области рыбного хозяйства». Отмечено значение межправительственных соглашений о взаимных отношениях в области рыболовства и рыбного хозяйства 1984–1985 гг. и стремление следовать принципам, изложенным в Токийской декларации о российско-японских отношениях и в Декларации о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений от 13 октября 1993 г. Последняя ссылка на два межгосударственных акта усиливает политическое значение упомянутого соглашения.

При определении в преамбуле основной задачи Соглашения 1998 г. обе стороны констатируют, что желают «определить условия промысла временного характера на коммерческой основе японскими рыболовными судами в морском районе, указанном в настоящем Соглашении». Именно «временный характер», предусмотренный в договорных терминах, предопределял практическую значимость самого Соглашения 1998 г.

В ст. 1 Соглашения 1998 г. указано, что «стороны сотрудничают в целях осуществления промысла живых ресурсов японскими рыболовными судами в морском районе, ограниченном прямыми геодезическими линиями, последовательно соединяющими точки с координатами, указанными в Приложении, у островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а также сохранения, рационального использования и воспроизводства живых ресурсов в этом морском районе в соответствии с настоящим Соглашением».

В Приложении к Соглашению 1998 г. определены координаты морского района, где японские рыболовные суда вправе вести промысел живых ресурсов. Данные координаты свидетельствуют о том, что это район территориального моря

⁶ Подробнее см.: [Вылегжанин, Неверова 2016:51-54].

России, примыкающий к островам Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Однако договорной констатации о том, что это территориальное море России, разумеется, нет ни в самом тексте Соглашения 1998 г., ни в указанном Приложении к нему, ни в ежегодных Меморандумах о понимании (в последних определяются разрешенные по Соглашению квоты вылова японскими рыболовными судами морепродуктов на конкретный год), что будет исследовано ниже.

В тексте Соглашения 1998 г. отсутствует упоминание, что «спорные острова» находятся под суверенитетом Российской Федерации, но нет и квалификации островов в качестве объекта территориального спора между Россией и Японией.

Как будет показано ниже, в отношении юрисдикции Российской Федерации в пределах морских пространств не все так однозначно.

В ст. 2 Соглашения 1998 г. определены процедуры практического характера, регламентирующие промысел морских живых ресурсов японскими рыболовными судами в обозначенном морском районе. Промысел производится в соответствии с Меморандумом о понимании, ежегодно заключаемым между организациями обеих сторон, об определении которых последнее, уведомляют друг друга по дипломатическим каналам.

Таким образом, Меморандум о понимании – это не межправительственный документ, а соглашение (договоренность) между организациями сторон, по достижении которой стороны уведомляют друг друга (путем обмена дипломатическими нотами) о признании этой договоренности.

Японская сторона обязуется принимать меры «согласно законам и правилам Японии с тем, чтобы японской организацией осуществлялась оплата в связи с промыслом, сохранением и воспроизводством морских живых ресурсов в соответствии с настоящим Соглашением и Меморандумом о понимании».

Статьи 3 и 4 Соглашения 1998 г. носят общий характер о возможном сотрудничестве (как на межправительственном уровне, так и между организациями России и Японии) в области рыболовства. В них предусмотрено проведение взаимных консультаций по вопросам выполнения положений Соглашения 1998 г.

Статьей 5 определено, что компетентными органами по выполнению Соглашения 1998 г. являются: со стороны России – Министерство сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации⁷ и Федеральная пограничная служба Российской Федерации; со стороны Японии – Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии (Департамент рыболовства) и Министерство транспорта Японии (Управление безопасности на море).

Статья 6 предусматривает, что любая деятельность и меры по Соглашению «не должны рассматриваться как наносящие ущерб позициям и точкам зрения любой из Сторон по вопросам взаимных отношений».

Статья 7 Соглашения 1998 г. содержит заключительные положения о сроках и порядке его вступления в силу, а также предусматривает порядок его возможного прекращения. В частности, в п. 2 этой статьи сказано, что по истечении трехлетнего периода его действия «Соглашение автоматически продлевается на очередные годичные периоды, если одна Сторона, не менее чем за шесть месяцев до дня истечения соответствующего периода действия, не направит другой Стороне письменного уведомления о своем намерении прекратить его действие».

Реализация Соглашения 1998 г. происходила на практике путем подготовки на каждый очередной год отдельного документа – «Меморандума о понимании». Отсутствует в Соглашении 1998 г. и положение о том, что японские рыбаки «должны соблюдать законы, постановления и правила Российской Федерации, действующие в этом районе» (это положение есть в рассмотренном выше Соглашении 1981 г. о промысле японскими рыбаками «морской капусты»).

4. Содержание Меморандумов о понимании

В соответствии со ст. 2 Соглашения 1998 г. для решения всех практических вопросов промысла японскими судами морских живых ресурсов в морском районе, обозначенном в Приложении к Соглашению, ежегодно заключаются Меморандумы о понимании. В них уточняются районы ежегодного допустимого промысла японскими рыбаками в обозначенных морских районах.

⁷ В настоящее время – Министерство сельского хозяйства Российской Федерации.

В соответствии с упомянутыми Меморандумами о понимании обозначаются не только границы такого района на каждый год, но и также объект рыболовства японскими судами (например, промысел минтая, осьминога, терпуга), а также орудия лова (например, жаберные сети, крючковые снасти).

В соответствии с Соглашением 1998 г. и ежегодными Меморандумами о понимании разрешенный для промысла морской район имел периметр чуть больше 400 морских миль, а его площадь – свыше 5 тыс. кв. миль. Границы данного морского района определялись таким образом, чтобы включить в него именно районы территориального моря Российской Федерации, однако в ряде случаев включались также участки внутренних морских вод России (например, залив Львиная Пасть).

По Соглашению 1988 г. определены организации, разрабатывающие, подписывающие и исполняющие ежегодные Меморандумы о понимании: с российской стороны – Федеральное агентство по рыболовству и Пограничная служба Федеральной службы безопасности Российской Федерации, с японской – Хоккайдская ассоциация рыбопромышленников, которая является общественной (неправительственной) организацией Японии.

Такая «асимметричность» в реализации Меморандумов (с российской стороны – государственные федеральные ведомства, а с японской стороны – общественная организация) может свидетельствовать об уходе Японии (как стороны Соглашения) от ответственности за исполнение ежегодных Меморандумов, а также о вменении этой ответственности только лишь Хоккайдской ассоциации рыбопромышленников, которая не является органом власти Японии. При «классической модели» заключения межправительственных соглашений о сохранении и использовании морских живых ресурсов между соседними государствами уровень исполнения таких соглашений – симметричный. Иначе говоря, с японской стороны ответственной за исполнение Соглашения 1998 г. должна была бы выступать государственная структура. Здесь же обозначенная асимметричность является частью компромиссных договорно-согласованных формулировок, лишь подчеркивающих различные позиции сторон по вопросу о статусе названных островов.

Анализ квот, выделяемых японской стороне для «безопасного» промысла в российских территориальных водах у южных Курил в период действия Соглашения 1998 г. показывает, что, речь идет о квотах на промысел терпуга, кальмаров, минтая, осьминога; общая плата Японии за их промысел составляет в год до 44,3 млн иен, в том числе посредством поставки оборудования – около 23 млн иен. Фактически ежегодный вылов японскими рыбаками в обозначенном морском районе за время исполнения Соглашения не превышал 1 900 тонн. [Курмазов 2022:8] Промысел по Соглашению 1998 г. в целом носит для японских рыбопромышленников убыточный характер. Предполагается, что эти убытки компенсируются японскими государственными органами с тем, чтобы продолжать такой промысел (как юридический аргумент в пользу наличия традиционного присутствия Японии в морских районах у «спорных» островов).

Добавим, что в японских средствах массовой информации Соглашение 1998 г. именуется как «Соглашение о безопасном промысле» (возможно для того, чтобы побудить японских рыбаков продолжать такой промысел).

Отметим также, что районы, отведенные для промысла живых ресурсов японскими судами «пассивными» орудиями лова (сетные, крючковые) автоматически становятся недоступными для промысла морских живых ресурсов российскими судами, осуществляющими «активный» лов – тралами. Иначе говоря, Соглашение 1998 г. все же ограничивает российское рыболовство в районах территориального моря России у островов южной части Курильского архипелага.

В целом же анализ как ежегодных Меморандумов о понимании, так и Соглашения 1998 г. свидетельствуют о том, что их реализация не имеет существенного хозяйственного значения для рыболовства Японии. Впрочем, не имеет и сущностного финансового значения для бюджета России та оплата, которая поступает от Японии за обозначенный промысел в соответствии с Соглашением 1998 г.

Последний раз Меморандум о понимании, предусмотренный Соглашением 1998 г., был подписан в декабре 2021 г. на период промысла японской стороной в 2022 г. Однако его действие было приостановлено (формально в связи с задержкой перечисления японской стороной платы за право промысла (предусмотренного Соглашением));

в последующем его действие было вообще прекращено в качестве ответной меры на введение против Российской Федерации японских санкций). Не возобновлялись переговоры о соблюдении Соглашения 1998 г. и заключении ежегодного Меморандума и в последующем 2023–2024 гг.

Вместе с тем важен вопрос, связанный с осуществлением юрисдикции Российской Федерации в пределах обозначенных морских пространств. С одной стороны, как было отмечено, ни в тексте Соглашения 1998 г., ни в Приложении к нему нет упоминания о суверенитете России над «спорными» островами, с другой – Соглашением 1998 г. установлено, что договоренность о квотах добычи (вылова) морских живых ресурсов, изложенная в Меморандуме о понимании, признается сторонами – Россией и Японией. Соответственно, нарушение данной договоренности японскими рыбаками-браконьерами может повлечь применение российской стороной в отношении них принудительных мер правоохранительного характера. Поскольку применение последних – это проявление исполнительной юрисдикции прибрежного государства (проявление власти прибрежного государства [Gavouneli 2007:6]), очевидно, что, подписав Соглашение 1998 г., Япония согласилась с тем, что в пределах морской территории Россия в районе южных Курил обладает юрисдикцией в отношении японских судов-нарушителей. Японские правоведа, разумеется, не согласятся с практической значимостью данного шага как усиления позиции России о ее суверенитете над «спорными островами».

5. Выводы

Соглашение 1998 г. как часть комплекса норм международного права о сохранении и управлении морскими живыми ресурсами, несомненно, представляет практический и теоретический интерес, прежде всего потому, что управление морскими живыми ресурсами и их сохранение в тех морских районах, которые примыкают к Южно-Курильским островам, осложнено разными позициями двух соседних государств – России и Японии – в отношении статуса этих островов.

Соглашение 1998 г. (по сравнению с другими межправительственными соглашениями с Японией в области рыболовства) выделяется тем, что в нем Россия впервые в своей современной межгосударственной практике предоставляет право осуществлять промысел рыбных ресурсов япон-

ским судам в районах территориального моря Российской Федерации, т. е. на своей государственной морской территории, а именно в районах, примыкающих к самым южным островам гряды островов и скал, которые на морских картах обозначены как «Курильские острова». Последние, повторим, являются неотъемлемой частью государственной территории России в соответствии с Ялтинскими соглашениями Союзных Держав – СССР, США и Великобритании. При этом Япония предъявляет свои территориальные притязания на Южно-Курильские острова (не считая их частью Курильского архипелага), но эти притязания Россия, как известно, отвергает на основе незыблемости ее суверенитета над данными островами в соответствии с Ялтинскими соглашениями.

В настоящее время Соглашение 1998 г. не реализуется в качестве ответной меры на введение против Российской Федерации японских санкций. В связи с этим дальнейшее практическое применение Соглашения 1998 г. может быть решено по одному из трех сценариев, и у каждого из них есть свои плюсы и минусы.

Сценарий первый.

*Соглашение 1998 г. – sint ut sunt
(«пусть будет так, как есть»).*

В некоторой степени Соглашение 1998 г. способствовало стабилизации порядка сохранения и управления морскими живыми ресурсами в районе его действия. Вне зависимости от территориального спора и отношений между государствами важно рационально использовать океаны, моря и их природные ресурсы в интересах устойчивого развития. Соглашение 1998 г. – это тот политико-правовой компромисс, который сторонам удалось достичь, и который длительное время служил стабилизирующим фактором в российско-японских морехозяйственных отношениях. Поэтому, при нормальном развитии двусторонних отношений между Россией и Японией, вопрос о судьбе Соглашения 1998 г. вряд ли бы ставился. В текущей же ситуации, как было отмечено, Соглашение не реализуется из-за японских санкций. Если отношения между странами не изменятся, то Соглашение фактически не будет применяться, хотя формально останется действующим. Вместе с тем принятые в последние годы поправки в Конституцию РФ, касающиеся территориальной целостности России, требуют все же пересмотра либо отмены Соглашения 1998 г.

*Сценарий второй.**Приостановление Россией действия
Соглашения 1998 г.*

Как было отмечено выше, в настоящее время Соглашение 1998 г. не реализуется. Не возобновлены переговоры и о заключении ежегодного Меморандума. У России есть все основания приостановить действие Соглашения 1998 г. на основе Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., например, в порядке ответной меры на введение Японией односторонних ограничительных мер против России. Россия с целью усиления своей позиции о суверенитете над «спорными островами по трактовке японской стороны» может и дальше использовать аргумент о том, что, подписав Соглашение 1998 г., Япония согласилась с тем, что в пределах морской территории Россия обладает юрисдикцией в отношении японских судов-нарушителей.

*Сценарий третий.**Официальное прекращение Россией действия
Соглашения 1998 г.*

В Соглашении 1998 г., как и в Приложении к нему, а также в ежегодных «Меморандумах о понимании» отсутствуют положения о том, что Южно-Курильские острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан, острова Малой Курильской гряды) являются государственной территорией Российской Федерации. Нет в Соглашении 1998 г. и ссылок на Ялтинские соглашения Союзных Держав (четко подтверждающих позицию СССР, России) и на Акт о безоговорочной капитуляции Японии по итогам Второй мировой войны по которому она лишается, наряду с другими территориями, всех Курильских островов.

К тому же отсутствует в Соглашении 1998 г., как и в Приложении к нему, а также в ежегодных

«Меморандумах о понимании» важнейшее положение о том, что промысел морских живых ресурсов рыболовными судами Японии в территориальных водах России, прилегающих к Южно-Курильским островам и островам Малой Курильской гряды должен осуществляться с соблюдением законов, постановлений и правил Российской Федерации, действующих в этом районе.

Соглашение 1998 г. носит односторонний характер, поскольку в нем нет «симметричного положения» о предоставлении аналогичных прав на осуществление промысла морских живых ресурсов российским рыболовным судам в территориальных водах Японии. Его практическое значение для японского рыболовства минимальное, равно как и получаемая российской стороной за этот промысел плата.

С учетом вышеизложенного анализа положений Соглашения 1998 г., Приложения к нему, ежегодных «Меморандумов о понимании» и принимая во внимание, что соглашение практически не применяется уже в течение трех лет, а также с учетом принятых соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации вполне логично прекратить его действие, как это предусмотрено п. 2 ст. 7 упомянутого соглашения, направив об этом письменное уведомление японской стороне.

Дальнейшее сотрудничество между Россией и Японией в области морского рыболовства продолжает осуществляться на основе существующих и действующих межправительственных соглашений и договоренностей с учетом принципов добрососедства, взаимовыгодности, рационального использования и сохранения совместных запасов морских живых ресурсов в северной части Тихого океана и прилегающих морях.

Список литературы

1. Вылегжанин А., Магомедова О. 2022. Международно-правовая политика государства. Современные концепции. – *Международные процессы*. № 20 (3). С. 112-126.
2. Вылегжанин А.Н. 2001а. Биоразнообразие морской среды. – *Государство и право*. № 3. С. 69-81.
3. Вылегжанин А.Н. 2001б. *Морские природные ресурсы (международно-правовой режим)*. Москва: СОПС Минэкономразвития РФ и РАН. 298 с.
4. Вылегжанин А.Н., Неверова Е.В. 2016. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к Южно-Курильским островам. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 35-62.
5. Вылегжанин, А.Н., Зиланов В.К. 2000. *Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами: теория и документы*. Москва: Экономика. 598 с.
6. Глазова А.П. 2020. Применение принудительных мер правоохранительного характера на море: вопросы юрисдикции. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 106-118.
7. Зиланов В.К. 1998. «Безопасный промысел» у опасной черты. – *Рыбное хозяйство*. № 3. С. 50-53.
8. *Итоговая Резолюция. Сборник материалов конференции «Мы и Япония: к нормализации отношений на основе исторической правды и национальных интересов России»*. 2023. Авт.-сост. И.А. Кульнев. Москва: ООО «КАРАНДАШ». С. 155.

9. Курмазов А.А. 2022. Российско-японские отношения в условиях санкций. – *Рыбное хозяйство*. № 5. С. 4-12.
10. Курмазов А.А. 2023. Обмены визитами министров рыболовства СССР и Японии и взгляд на современные рыболовные российско-японские отношения из 2023 г. – *Рыбное хозяйство*. № 3. С. 4-13.
11. Нелидов В.В. 2019. Визит А.А. Громыко в Японию в июле 1966 г.: содержание, итоги и значение. – *Война между государствами – великое зло. К 110-летию А.А. Громыко*. Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А.А. Громыко. Общ. ред. А.А. Громыко. Москва: Издательство «Весь Мир»; ИЕ РАН. С. 229.
12. Плотников А.Ю. 2022. Победа над Японией в свете формирования российско-японской и советско-японской границы. Факты и домыслы. Сборник материалов КС, посвященного Победе советского народа над милитаристской Японией 3 сентября 1945 г. Автор-составитель И.И. Никитчук. Москва: Родина. 256 с
13. Пономарев С.А. 2023. О картографической агрессии Японии. Сборник материалов конференции «Мы и Япония: к нормализации отношений на основе исторической правды и национальных интересов России». Москва: ООО «КАРАНДАШ».
14. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. 2015. Москва: ООО «Изд-во Алгоритм». 400 с.
15. Саплин В.И. 1998. Промысел по закону. – *Рыбное хозяйство*. № 3. С. 50-53.
16. Черниченко С.В. 1999. *Теория международного права*. В 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. Москва. 531 с.
17. Allen J.R. 2011. The United States' Application of Precaution in Managing Living Marine Resources. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 26 (4). P. 643-666.
18. Borg S. 2014. The Conservation of Marine Living Resources under International Law. – *The IMLI Manual on International Maritime Law. Volume I: The Law of the Sea*. D.J. Attard et al (eds). Oxford: Oxford University Press. 800 p.
19. Burke W.T. 1994. *The New International Law of Fisheries: UNCLOS 1982 and Beyond*. Oxford: Clarendon Press. 382 p.
20. Gavouneli M. 2007. *Functional Jurisdiction in the Law of the Sea*. Leiden. The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 286 p.
21. Klein N. 2011. *Maritime Security and the Law of the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 376 p.
22. Matz-Luck, N., Fuchs, J. 2015. Marine Living Resources. – *The Oxford Handbook of the Law of the Sea*. Rothwell, Donald et al (eds.). Oxford: Oxford University Press. 997 p.
23. Rafaly V. 2022. The Concept of «Marine Living Resources»: Navigating a Grey Zone in the Law of the Sea. – *Canadian Yearbook of International Law. Annuaire canadien de droit international*. № 59. P. 285-312.
24. Tanaka Y. 2011. The Changing Approaches to Conservation of Marine Living Resources in International Law. – *Heidelberg journal of international law*. Vol. 71. Issue 2. P. 291-330.

References

1. Allen J.R. The United States' Application of Precaution in Managing Living Marine Resources. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2011. Vol. 26 (4). P. 643-666.
2. Borg S. The Conservation of Marine Living Resources under International Law. – *The IMLI Manual on International Maritime Law. Volume I: The Law of the Sea*. D.J. Attard et al (eds). Oxford: Oxford University Press. 2014. 800 p.
3. Burke W.T. *The New International Law of Fisheries: UNCLOS 1982 and Beyond*. Oxford: Clarendon Press. 1994. 382 p.
4. Chernichenko S.V. *Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]*. V 2 t. T. 2. Starye i novye teoreticheskie problemy. Moscow. 1999. 531 s. (In Russ.).
5. Gavouneli M. *Functional Jurisdiction in the Law of the Sea*. Leiden. The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. 2007. 286 p.
6. Glazova A.P. Primenenie prinuditel'nyh mer pravoohranitel'nogo haraktera na more: voprosy iurisdikcii [Application of coercive law enforcement measures at sea: jurisdictional issues]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2020. № 4. S. 106-118. (In Russ.).
7. Itogovaja Rezoljucija. Sbornik materialov konferencii «My i Japonija: k normalizacii otnoshenij na osnove istoricheskoy pravdy i nacional'nyh interesov Rossii» [The Final Resolution. Collection of materials of the conference "We and Japan: towards normalization of relations based on historical truth and national interests of Russia"]. Avt.-sost. I.A. Kul'nev. Moscow: ООО «КАРАНДАШ». 2023. S. 155.
8. Klein N. *Maritime Security and the Law of the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 376 p.
9. Kurmazov A.A. Obmeny vizitami ministrov rybolovstva SSSR i Japonii i vzgljad na sovremennye rybolovnye rossijsko-japonskie otnoshenija iz 2023 g. [Exchange of visits of the Ministers of Fisheries of the USSR and Japan and a view of modern Russian-Japanese fisheries relations from 2023]. – *Rybnoe hozjajstvo [Fisheries]*. 2023. № 3. S. 4-13. (In Russ.).
10. Kurmazov A.A. Rossijsko-japonskie otnoshenija v uslovijah sankcij [Russian-Japanese relations under sanctions]. – *Rybnoe hozjajstvo [Fisheries]*. 2022. № 5. S. 4-12. (In Russ.).
11. Matz-Luck, N., Fuchs, J. Marine Living Resources. – *The Oxford Handbook of the Law of the Sea*. Rothwell, Donald et al (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2015. 997 p.
12. Nelidov V.V. A.A. Gromyko's visit to Japan in July 1966: content, results and significance [A.A. Gromyko's visit to Japan in July 1966: content, results and significance]. – *War between states is a great evil. Dedicated to the 110th anniversary of A.A. Gromyko [War between states is a great evil. Dedicated to the 110th anniversary of A.A. Gromyko]*. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Assoc. foreign policy. A.A. Gromyko Research. General ed. by A.A. Gromyko. Moscow: Publishing House "The Whole World"; IE RAS, 2019. P. 229.
13. Plotnikov A.Ju. *Pobeda nad Japoniej v svete formirovaniya rossijsko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granice. Fakty i domysly. Sbornik materialov KS, posvjashhennogo Pobede sovetskogo naroda nad militaristskoj Japoniej 3 sentjabrja 1945 g. [Victory over Japan in light of the formation of the*

- Russian-Japanese and Soviet-Japanese border. Facts and speculations. Collection of materials of the KS dedicated to the Victory of the Soviet people over militaristic Japan on September 3, 1945]. Avtor-sostavitel' I.I. Nikitchuk. Moskva: Rodina. 2022. 256 s. (In Russ.).*
14. Ponomarev S.A. O kartograficheskoy agressii Japonii. Sbornik materialov konferencii «My i Japoniya: k normalizacii otnoshenij na osnove istoricheskoy pravdy i nacional'nyh interesov Rossii» [On Japan's cartographic aggression. Collection of materials from the conference "We and Japan: Towards Normalizing Relations Based on Historical Truth and Russia's National Interests"]. Moscow: OOO «KARANDASH». 2023. (In Russ.).
 15. Rafaly V. The Concept of «Marine Living Resources»: Navigating a Grey Zone in the Law of the Sea. – *Canadian Yearbook of International Law. Annuaire canadien de droit international*. 2022. № 59. P. 285-312.
 16. *Russkie Kurily: istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya russko-japonskoj i sovetko-japonskoj granicy [Russian Kuril Islands: History and Modernity. Collection of documents on the history of the formation of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border]*. Moscow: OOO «Izd-vo Algoritm». 2015. 400 s. (In Russ.).
 17. Saplin V.I. Promysel po zakonu [Fishing by Law]. – *Rybnoe hozjajstvo [Fishing Industry]*. 1998. № 3. S. 50-53. (In Russ.).
 18. Tanaka Y. The Changing Approaches to Conservation of Marine Living Resources in International Law. – *Heidelberg journal of international law*. 2011. Vol. 71. Issue 2. P. 291-330.
 19. Vylegzhanin A., Magomedova O. Mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva. Sovremennye koncepcii [International legal policy of the state. Modern concepts]. – *Mezhdunarodnye processy [International processes]*. 2022. № 20 (3). C. 112-126. (In Russ.).
 20. Vylegzhanin A.N. Bioraznoolozhie morskoy sredy [Biodiversity of the marine environment]. – *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2001. № 3. C. 69-81. (In Russ.).
 21. Vylegzhanin A.N. *Morskie prirodnye resursy (mezhdunarodno-pravovoj rezhim) [Marine natural resources (international legal regime)]*. Moscow: SOPS Minjekonomrazvitiya RF i RAN. 2001. 298 s. (In Russ.).
 22. Vylegzhanin A.N., Neverova E.V. Rossijsko-japonskie dogovorennosti o morskikh rajonah, primykajushhih k Juzhno-Kuril'skim ostrovam [Russian-Japanese agreements on maritime areas adjacent to the South Kuril Islands]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international law]*. 2016. № 2. S. 35-62. (In Russ.).
 23. Vylegzhanin, A.N., Zilanov V.K. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy upravleniya morskimi zhivymi resursami: teorija i dokumenty [International legal framework for managing marine living resources: theory and documents]*. Moscow: Jekonomika. 2000. 598 s. (In Russ.).
 24. Zilanov V.K. 1998. «Bezopasnyj promysel» u opasnoj cherty [«Safe fishing» at the danger line]. – *Rybnoe hozjajstvo [Fisheries]*. № 3. S. 50-53. (In Russ.).

Информация об авторах

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ,

кандидат биологических наук, профессор, Почетный доктор, Мурманский государственный технический университет

Спортивная ул., д. 13, Мурманск, 183010, Российская Федерация

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Алексей Юрьевич ПЛОТНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, профессор, Московский государственный лингвистический университет

Остоженка ул., д. 38 стр. 1, Москва, 119034, Российская Федерация

al.yu.plotnikov@yandex.ru
ORCID: 000-0002-0909-9567

Анастасия Петровна ГЛАЗОВА

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

22-Линия Васильевского острова, д. 7, Санкт-Петербург, 199106, Российская Федерация

angla.1892@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7789-9323

About the Authors

Vyacheslav K. ZILANOV,

Candidate of Biological Sciences, Professor, Honored Doctor, Murmansk State Technical University

13, Sportivnaya St., Murmansk, Russian Federation, 183010

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Aleksey Yu. PLOTNIKOV

Doctor of History, Professor, Professor, Moscow State Linguistic University

38, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119034

al.yu.plotnikov@yandex.ru
ORCID: 000-0002-0909-9567

Anastasia P. GLASOVA

Candidate of Legal Sciences, St. Petersburg State University

7, 22 Line Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russian Federation, 199106

angla.1892@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7789-9323